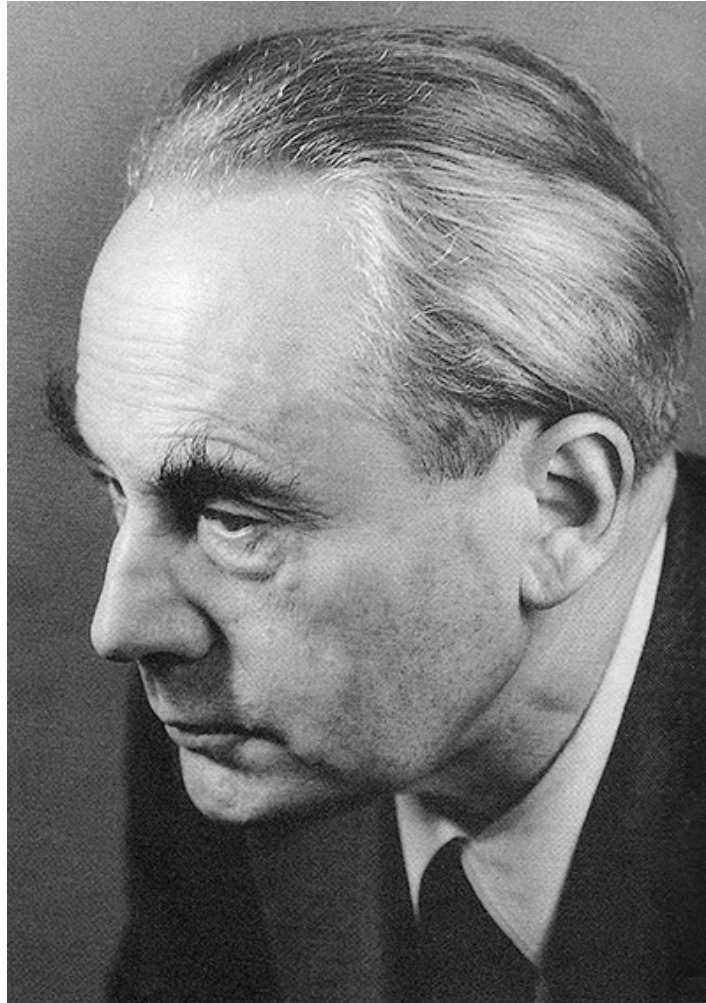

Владимир Авдеев

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОАНТРОПОЛОГИЯ
ЛЮДВИГА ФЕРДИНАНДА КЛАУССА**

*«Очень часто то, что является нормой для одной расы,
представляет собой крайнюю форму патологии для другой».*

С.С. Корсаков, выдающийся русский психиатр

В 2000 году в Германии было опубликовано весьма показательное с точки зрения истории науки сочинение под названием **«Библиография текстов по физиогномике»** (**«Bibliographie von Texten zur Rhyiognomik»**), в котором на 560 страницах был дан систематический обзор более чем 3500 европейских первоисточников по данному вопросу. Причем он охватил произведения, начиная с 400 года до нашей эры вплоть до 1999 года нашей эпохи, что должно было подчеркнуть фундаментальный характер данной систематизации. Из чего следует, что желание научно описать и распознать духовный и интеллектуальный мир человека по его внешним признакам было присуще познавательным желанием человечества еще на ранних стадиях возникновения культурно-исторических общностей. Авторы данного компендиума подчеркивают, что в нем рассмотрены принципы только европейской традиции, поскольку сходного рода проблематика была представлена еще трактатами древних вавилонян, египтян, индусов и

китайцев. Также и современные археологи, изучающие древность человеческого рода, утверждают, что еще на первых изображениях эпохи каменного века доисторические художники всегда пытались даже примитивными методами передать специфику внешнего облика своих соплеменников и чужаков, неизменно противопоставляя их друг другу.

Помимо сугубо физиогномических трактатов, здесь представлены также близкие по тематике работы, посвященные исследованиям мимики, выражения экспрессии, темперамента, френологии, психодиагностики, патогномики, состояний аффекта, а также руководства для художников и скульпторов, специализирующихся на изображении проявлений человеческой природы.

Одним словом, составители данного энциклопедического обзора совершили подлинный научный подвиг, приведя в систему огромный свод знаний о природе человека с древнейших времен и до наших дней. Следует особо подчеркнуть, что многие средневековые, и даже античные, трактаты по данной проблематике до сих пор переиздаются в различных странах в академическом формате как нестареющие шедевры натурфилософской мысли, что лишний раз свидетельствует, что классические знания внешнего описательного характера востребованы до сих пор, невзирая на расцвет современных методов психометрии, неврологии и генной диагностики. Таким образом, точные науки не исключили из сферы знаний о человеческой природе эмоциональный взгляд и интуицию. Следовательно, известный баланс между объективными и субъективными методами познания сохраняется, а значит – и вечный спор между «лириками» и «физиками» не исчерпан.

1

На наш взгляд, именно в этом естественнонаучном, и вместе с тем историко-философском ракурсе следует представлять жизнь и деятельность такого немецкого ученого, как **Людвиг Фердинанд Клаусс, Ludwig Ferdinand Clauss (1892-1974)**, являющегося по всеобщему признанию одним из крупнейших расовых психологов XX века.

Развивая концепцию всего свода знаний о природе характеров расовых типов людей, он всю жизнь стремился оформить расовую психологию, как эмпирическую дисциплину. Ницше в свое время советовал не доверять ни одной мысли, которая рождается у человека в сидячем положении. Клаусс всегда неукоснительно следовал этому совету, меньше всего являя собой тип кабинетного ученого. Как никто другой, он ясно осознавал, что психологию других рас невозможно понять, сидя в библиотеке, при изучении старинных манускриптов, для этого необходимо наблюдать людей другой расы изнутри, будучи погруженным в их естественную культурно-историческую среду. А поскольку все познается в сравнении, то данный метод позволит лучше понять и психологию собственной расы.

Людвиг Фердинанд Клаусс родился 8 февраля 1892 года в г. Бад Оффенбурге, в семье судьи. Он был уроженцем Бадена, наименее «нордической» из всех немецких земель, но, по странному стечению обстоятельств, именно из этих мест вышли очень многие ученые, прославившиеся впоследствии своими работами по расовому вопросу: Отто Аммон, Людвиг Вильзер, Ойген Фишер, Эрвин Баур, Эрнст Крик, Ганс Ф.К. Гюнтер. Очевидно ненордическое окружение способствовало выработке у них кристаллизованного нордического самосознания.

Молодые годы Л.Ф. Клаусс провел во Фрейбурге, в университете которого учился вместе с Мартином Хайдеггером (тоже баденцем по происхождению) у знаменитого философа Эдмунда Гуссерля. К этим годам учебы восходит и его дружба с Гансом Ф.К. Гюнтером, который был всего на год старше, а также его первые контакты с «Нордическим движением».

Именно Гуссерль предложил Клауссу в ноябре 1919 года, когда тот закончил учебу, развить тему, намеченную в 1836 году Вильгельмом Гумбольдтом, в его работе «О различии структуры человеческих языков и ее влиянии на духовное развитие человеческого рода». Клаусс ее развил, но не в том направлении, как, вероятно, того хотел бы Гуссерль, а в тесной связи именно с расовой психологией и раскритиковал наивный гуманизм Гумбольдта и его иллюзорные представления о «единстве человеческого рода», чем и вошел в неустранимое противоречие со своим учителем. Кроме того новейшие методы психоантропологии, которые развивал молодой ученый, явно выходили за рамки компетенции классической филологии, что также служило источником дополнительного раздражения в академической среде. Марксистская пресса тотчас принялась атаковать Клаусса за его якобы реакционные взгляды. Но нужно понимать, что кровавые испытания Первой мировой войны, буквально сбили «розовые очки» с лица многих молодых интеллектуалов и сказочный флер классического немецкого гуманизма растворился без остатка. И он был не одинок в своем презрении.

Вопросами расовой психологии тогда поэтому начали заниматься многие и Ганс Ф.К. Гюнтер в своей «Расологии немецкого народа», ставшей впоследствии бестселлером, описал, не только физические, но и психические качества шести европейских рас. Но у Клаусса был несколько иной подход. Он категорически возражал против сведения особенностей расовой психологии к перечню каких-либо признаков или качеств. Он полагал, что одни и те же качества, например, храбрость или хитрость, могут наличествовать у разных рас, но проявляются они по-разному. Особый характер проявления этих качеств он определял термином, заимствованным из искусствоведения – стиль. Таким образом психология рас различается не по наличию тех или иных признаков, а по стилю их проявления.

Несмотря на свою близость к Нордическому движению Клаусс относился к нему взвешенно критически. Своего друга Гюнтера он упрекал в том, что тот, при проявлениях и оценке отдельных рас пользуется мерилom определенной культуры, которая возвышается тем самым до уровня «нормальной». В результате подобной логической практики как бы сама собой выстраивается иерархия рас по степени одаренности и во главе неизбежно оказывается раса нордическая. Подобную умственную практику он называл «тривиальной», ибо полагал, что каждая раса является самой одаренной для собственной культуры. Он подчеркивал: «Раса несет свою иерархию ценностей в себе самой и к ней применимо только ее собственное внутреннее мерило ценностей». В связи с чем он иронизировал над идеологами Нордического движения, переоценивавшими на его взгляд значение нордической расы в истории становления цивилизации.

Выражаясь современным языком данного немецкого ученого вполне возможно было бы назвать представителем политически корректной расологии.

2

Эти базовые идеи и легли в основу главной книги Л.Ф. Клаусса «Раса и душа», первое издание которой вышло зимой 1925-1926 годов. В ней были описаны расовые стили четырех из шести европейских рас (по классификации Гюнтера) – динарскую он считал гибридной, а восточно-балтийской похоже вообще не интересовался, а также дух неевропейских: пустынной и переднеазиатской.

В названиях стилистических типов, которые Клаусс соотнес с определенными расами и состояла оригинальность и новизна всей его концепции.

Тип людей нордической расы назывался «Leistungsmensch», что в приблизительном русском переводе означало «человек действия», нечто вроде «фаустовской натуры» по Освальду Шпенглеру, которую тот впрочем, приписывал всем современным европейцам вообще, а Клаусс прилагал свою характеристику только к людям нордической расы. Основное значение немецкого слова «Leistung» - «работа», «труд», но

речь идет, конечно, не просто о «рабочем человеке», так как у этого слова есть и второе значение – «достижение, успех». Данное определение Клаусса в целом уместнее всего было бы трактовать, как «человек творческого труда».

Главное качество нордического человека – это энергичное стремление переделать окружающий мир на свой лад, в котором действие как таковое обладает собственной ценностью. Однако расовые задатки, толкающие нордического человека к покорению действительности, при этом вовсе не следует рассматривать как подобие вечного двигателя. Когда Клаусс проходил военную службу на флоте, он бывал в Норвегии, любил скандинавов и завел там много друзей. Однако когда после Первой мировой войны он снова побывал в тех же местах, он перестал находить общий язык с людьми вроде бы одной с ним крови, вроде бы чистейшими представителями нордической расы. Их разъединили разные судьбы их стран, а способность нордического человека энергично реагировать на вызов Судьбы Л.Ф. Клаусс считал одним из основных его качеств. Скандинавы уютно устроились, ни в какие неведомые дали их больше не влекло, за исключением единиц вроде Свена Гедина или Тура Хейердала. Расовые задатки мирно спят, а творческий труд превратился в свою прямую противоположность – «Arbeit ohne Leistung» - «монотонную рутину».

Второй тип фальской в немецком или дальской в шведском варианте расы Клаусс называл «человеком упорным», хотя в данном случае следовало бы подобрать какое-нибудь более выразительное, пусть даже жаргонное словечко типа «упорный хохол». Клаусс считал, что немецкий народ это удачное сочетание нордической и фальской рас; третью составляющую альпийскую или, по не совсем удачному определению Гюнтера «восточную» расу, Клаусс откровенно игнорировал и словно бы не принимал во внимание – не случайно ей в описании стилей отведено последнее место. А между тем, при меньшей предвзятости, он мог бы отметить одну общую черту фальской и альпийской рас: узость мировоззренческих горизонтов и привязанность к своему клочку земли. И общность эта не случайна: фальская раса напрямую происходит от крома-ньонцев, древнейших людей современного типа в Европе, а альпийская раса, также населяла Европу с древнейших времена, а не пришла откуда-то с Востока. Не случайно крупнейший норвежский антрополог той эпохи Хальфдан Брюн отметил, что границы продвижения ледника в Южной Норвегии в точности совпадает с расовой границей, к югу от которой встречается смешанный нордически-фальский тип. А люди в древности жили мелкими общинами, без «горизонтов».

Фальская раса отличается от альпийской, кроме пигментации, своим ростом и физической силой, но сила эта, судя по описаниям Клаусса не вполне подчиняется разуму. Известен тип людей, внешне очень спокойных, которых трудно вывести из себя, но если уж выведут, то они способны на все вплоть до убийства. А окружающие потом удивляются и не верят, что такой тихий человек мог сотворить такое. Клаусс писал, что люди фальской расы могут сопротивляться из чистого упрямства даже в совершенно безнадежных ситуациях. Основной нордический контингент, более всего представленный в войсках СС был выбит на русском фронте уже к 1943 году, поэтому яростно кровопролитное упорство немецких войсках зимой и весной 1945 года всецело следует отнести на счет этой сомнительной добродетели фальской расы. Сколько русских и немцев можно было бы уберечь для будущего, вмешайся в судьбу Второй мировой войны на руководящем уровне больший процент нордической крови с ее тягой к действию, но и творческим осмыслением перспектив ситуации. Оборона Восточной Пруссии – этого оплота фальской расы с ее бессмысленной жестокостью с обеих сторон – наилучшее доказательство правоты расового анализа, немецкого ученого.

Название, данное Клауссом типу средиземноморской расы тоже труднопереводимо: «Darbietungsmensch». В принципе это человек, любящий устраивать представления, склонный к внешним эффектам, театральный, или если использовать жаргонное

выражение – «показушный». Известный итальянский философ Юлиус Эвола, на наш взгляд, дал более удачное определение – «экспрессионистский». В принципе он соглашался с характеристикой данного типа, только не хотел бы, чтобы ее распространяли на весь итальянский народ. В своей книге «Люди и руины» он писал, что итальянцы колеблются между двумя крайностями: «римским» и «средиземноморским» элементами. Образцом средиземноморского стиля, соответствующим описанию Клаусса, он считал творчество Габриэле д' Аннунцио.

Но если мы рассмотрим главных героев романа М. Пьюзо «Крестный отец», то ничего «показушного» мы в них не обнаружим. Придется отстаивать в сторону рассуждения Л.Ф. Клаусса о влиянии ландшафтов Северного и Средиземного морей на формирование расовых стилей – это уже что-то от «теории среды» – и либо перенести Сицилию в Северное море, либо заняться поисками следов норманской крови на Сицилии. Юлиус Эвола подобные изыскания ряда немецких расовых теоретиков не одобрял и считал, что они только дают аргументы в руки противников расовых знаний.

Свою любимую пустынную расу Клаусс назвал «людьми откровения», хотя можно было бы и несколько скромнее назвать людей, живущих согласно концепции ученого, одним моментом, людей для которых «жизнь это миг между прошлым и будущим», просто людьми момента. Их главное качество – пользоваться моментом, хватать то, что Аллах тебе в данный момент посылает, будь то военная добыча, откровение или нефтяные прииски.

Однако суть следующей переднеазиатской расы Клаусс не распознал до конца. Он считал, что главное качество ее представителей заключается в том, что они нуждаются в спасении или иными словами, в искуплении грехов. Им якобы присуще противоречие между духом и плотью, поэтому их бросает из крайности в крайность. Но вряд ли такое качество бывает присуще людям чистого расового типа, так как подобный разлад бывает характерен только для гибридов.

Название «переднеазиатская раса» не совсем удачно, хотя и распространено в антропологической литературе, но большее хождение в качестве эквивалента получило определение «арменоидный расовый тип», активно используемое и в отечественной научной литературе.

Армяне говорят, что не встречали в своей среде ни одного человека, который соответствовал бы описанию переднеазиатского типа у Клаусса. Речь идет о типе, не нуждающемся ни в каком спасении или в искуплении грехов, потому, что никаких грехов они за собой не чувствуют. «Их распознать легко – они никогда не каются», пел один ближневосточный бард. При посещении базара становится понятно, что если кто и нуждается в спасении, то это окружающие народы от людей этого типа.

И наконец, самый нелюбимый Клауссом тип альпийской расы, тип с самым сложным названием – «Enhebungsmensch». По смыслу это человек, стремящийся избавиться от чего-то, или убежать от чего-то. Но от чего он хочет избавиться и от чего убежать? От страшного большого мира, убежать и замкнуться в своем маленьком, уютном мирке, спрятаться в него, как улитка в раковину. Клаусс доходит в своей неприязни к этому типу до того, что возлагает на него вину за поражение Германии в 1918 году, - объявляя его, таким образом, типом предателей. Множество немецких гениев в самых различных областях человеческой деятельности принадлежали к этому типу, поэтому на наш взгляд, Клаусс здесь несколько перегнул палку.

3.

Если же в целом рассматривать книгу Л.Ф. Клаусса «Раса и душа» с позиций современной науки, то придется признать, что это сложная, но весьма эстетичная эволюция классического немецкого идеализма в контексте зарождения современной генетики. Душа для немецкого ученого была первична: «Поэтому мы сокращенно говорим о

форме души, которая ищет своего выражения в телесных проявлениях и нуждается для этой цели в соответствующем инструменте, в теле соответствующей формы». На наш взгляд многие немецкие романтики начала XIX века охотно подписались бы под этой ключевой фразой Клаусса, а гуманисты более ранней эпохи облюбовали другой его тезис: «Ошибочно верить, будто путем простой селекции нордической крови можно создать полезных членов общества. Нужно пробуждать хорошие задатки, если они есть, развивать из них нужные качества и формировать характер: без этого всякая селекция напрасна».

Главным же контрапунктом всей книги, как концепции в целом, является учение Клаусса о стиле, как квинтэссенции расовой психологии. «Расовые различия – это различия стиля, а не свойств», - неоднократно подчеркивал он.

В 1936 году увидела свет еще одна его крупная тематическая книга «Нордическая душа», в которой он уже всецело сконцентрировался на особенностях психических переживаний и их эстетической пластики выражения у данного расового типа. К 1941 году было опубликовано 13 изданий книги «Раса и душа» общим тиражом 116000 экземпляров, а «Нордическая душа» была издана пять раз, а общий тираж ее достиг 25000 экземпляров. Поэтому по популярности и общеизвестности в Германии той эпохи он прочно занимал второе место после Ганса Ф.К. Гюнтера. Но жизнь Л.Ф. Клаусса, так же как и у Гюнтера, с которым его все время сравнивали, от этого не была легкой и безоблачной.

Движимый потребностью практической работы в январе 1927 года он отбыл на Ближний Восток. Там его уже полтора года ожидала Маргарита Ланде, также ученица Эдмунда Гуссерля, девица из семьи евреев-выкрестов, интересовавшаяся больше сионистским движением, нежели арабами, как Клаусс. Но сердце ученого оставалось в Берлине, где жила его возлюбленная Ева. Его письма к ней содержали не только признания в любви, но также интересные оценки собственной миссии. Так в одном из них он писал: «Моя задача заключается в том, чтобы теперь в большем объеме, чем прежде, доказать на деле созданную мной расовую психологию». В другом подчеркивал: «Поскольку я однажды открыто произнес «Раса и душа», меня теперь призывают открыто сделать упор на расе, а не на душе. От меня требуют расологии, как марочного товара. Это ужасно». А в апреле того же года он писал уже из Иерусалима: «Когда я прибыл сюда, я надеялся найти в сионистских кругах таких евреев, которые хотят сделать в еврейской сфере то же, что и я – в немецкой: очистить свой тип путем познания его границ. Я думал, здесь есть такие, кто осознал, что для того, чтобы стать семитом в настоящем, а не в дурном смысле этого слова, надо сначала найти свой внутренний ландшафт и лучше всего это можно сделать в стране отцов. Нашел пока только двоих. Это одинокие, утратившие надежды люди, не имеющие никакого значения».

Для начала своих исследовательских изысканий Клаусс снял небольшой дом на окраине Иерусалима. К осени 1927 года он считал для себя, что уже достаточно знает язык, страну, людей и обычаи, чтобы отправиться к бедуинам в Трансиорданию. Этой страной тогда правили англичане и все находилось под контролем политической полиции. Каждого иностранца регистрировали при пересечении моста через реку Иордан, и потом он должен был отмечаться на каждом жандармском посту. Поэтому Клаусс решил перейти Иордан нелегально, но его первая попытка не удалась из-за недружелюбия бедуинов. Столь же неудачными были и две другие аналогичные попытки. Тогда Клаусс решил идти напролом: выдал себя за шейха живущего далеко на севере племени «немецких бедуинов» («араб-эль-альман»), взял напрокат автомобиль и отправился напрямик в Амман к шейху племени бени-сахр, прославившегося за год до этого разграблением городов Галилеи.

Клаусс сумел понравиться этому шейху, и с тех пор началась его жизнь среди бедуинов. Он мечтал принять участие в каком-нибудь грабительском набеге, но бедуины вели себя мирно.

Чтобы узнать хоть что-нибудь о жизни арабских женщин, он привез к Амману Маргариту Ланде и, к крайнему удивлению бедуинов, поместил «свою жену» у женщин шейха, а не в своем шатре. Любопытные арабы обыскали его шатер, уничтожили фотоаппарат и пленки. Тогда Клаусс забрал Маргариту к себе и заявил, что уезжает, оскорбленный таким нарушением законов гостеприимства. Их долго не отпускали, но, сумев хитростью прорваться в этот закрытый для европейцев мир, он сумел и вырваться из него таким же нетрадиционным способом.

4.

В апреле 1931 года Клаусс покинул Ближний Восток, чтобы вернуться на родину, которая переживала тяжелейший экономически и политический кризис. Духовная атмосфера Германии была буквально изуродована и пропитана миазмами всякого рода гностических и мистических учений. «Пророки», «спасители», «чудотворцы» владели душами одурманенных масс, а показное уличное чаробесие расцвело с силой, которая наблюдалась в Европе последний раз во времена распада Римской империи. И Клаусс как истинный патриот и здравомыслящий человек понял, что только академическая наука способна остановить эту всеобщую деградацию и сползание в хаос.

Это был крайне опасный момент в его биографии, ибо независимо от его научного статуса (который был уже признан во всей Германии) всего лишь от политических акцентов его публичного поведения зависело, станет он вождем интеллектуалов Нордического движения или же будет объявлен его диссидентом. Он не считал себя фатальным биологическим детерминистом, но при этом требовал изучения строгих типологических различий. Марксисты и либералы как опытные провокаторы только и ждали, когда Клаусс допустит любую оплошность, чтобы все его начинания обратить о вред делу обновления Германии.

В конце 20-х годов Клаусса сравнивали с Гитлером, но уже в начале 30-х некий доктор Каспари уже открыто радовался, что Клаусс «поставил всю расовую теорию на новую основу», уничтожил легенду о превосходстве определенных рас; неопровержимо доказав, что нет вообще никаких расовых свойств, а есть только типологические и расово обусловленный стиль, в котором они выражаются. Основная суть учения Клаусса в интерпретации левых оказалась сознательно или бессознательно искаженной до неузнаваемости, и представители противоположного правого лагеря, не разобравшись, обвинили Клаусса в предательстве, ибо он якобы усомнился в превосходстве нордической расы.

Но все дело состояло в том, что ни «левые», ни «правые» не поняли, что Клаусс ввел новую шкалу расовой диагностики – **стиль**, и не существует «высших» или «низших» стилей между человеческими расами, как их и не существует в животном царстве между породами животных. Стиль волеизъявления волка не хуже и не лучше, чем стиль волеизъявления рыси. Они просто разные, эволюционно детерминированные. Клаусс всегда подчеркивал, что в принципе не может существовать некий «объективный» критерий для оценки иерархии рас, ибо он автоматически становится вневещным и даже надчеловеческим. Напротив Клаусс справедливо полагал, что каждая раса сама несет в себе свой масштаб ценностей и критерии их оценки.

Дистанцируясь от шумихи, которая поднялась вокруг его имени, Л.Ф. Клаусс продолжал занятия практической психоантропологией, обрабатывая огромное количество материала, накопленного также и в среде обитания бедуинов. Период с 1930 по 1935 годы он сам считал одним из самых насыщенных в своей научной карьере. Венцом этой деятельности можно считать учреждение вместе с Гансом Ф.К. Гюнтером в

1934 году журнала Нордического движения «Раса», в редакцию которого вошли известные специалисты Людвиг Плате, Фальк Рутке, Эрнст Рюдин, Пауль Шульце-Наумбург, Александр Тилле, Оскар Беккер и Эвальд Банзе, подаривший Клауссу маузер накануне поездки к бедуинам.

Клаусс всегда выступал за «нордизацию», но под этим понимал не просто выведение чистой породы длинноголовых блондинов. Он утверждал, что «нордизация начинается с одинокой работы каждого над самим собой». Он призывал отвергать все, что чуждо нордическому стилю, и поэтому всегда был желанным лектором в Гитлер-югенде, в Национал-социалистическом союзе учителей и в СС.

5.

В 1936 году Клаусс стал доцентом расовой психологии Берлинского университета. Но уже в следующем году у него начались столкновения с официальными органами – Расово-политическим отделом НАСДАП и с ведомством Альфреда Розенберга. Противниками Клаусса выступали те же люди, с которыми конфликтовал известный философ Эрнст Крик: Вальтер Гросс и Альфред Боймлер.

Вальтер Гросс, руководитель Расово-политического отдела, вступил в партию в 1925 году, когда ему было всего 21 год и имел членский билет № 2815. Биограф Л.Ф. Клаусса Петер Вейнгарт дает ему следующую характеристику: «Гросс не был ни глупым, ни смешным, а умным и способным к дифференцированным оценкам человеком». П. Вейнгарт называет его «фанатичным представителем национал-социалистической политики», «партийным иезуитом, специалистом по выборочной догматизации науки и адаптации, толкованию и обновлению расово-биологических партийных догм» и отмечает также, что Клаусс систематически недооценивал Гросса, как идеологического противника, и напрасно. Атаки на Клаусса велись достаточно изощренными методами. Сначала его обвинили в связях с оппозиционной организацией «Католическое действие». Некий доктор Фергау, за спиной которого стояли Гросс и Боймлер, будучи референтом по науке в ведомстве Розенберга плел интриги против Клаусса в Берлинском университете, видя в нем своего конкурента.

Клаусс, узнав о роли в этом деле Гросса, написал ему 17 декабря 1937 года письмо, с просьбой объяснить, чем вызвана критика с его стороны, ведь Расово-политический отдел взял на вооружение его главный принцип: «Каждая раса является высшей ценностью для себя самой» и даже вставил его в Нюрнбергские расовые законы. Гросс встретился с ним при свидетелях и заверил его, что речь идет всего лишь о недоразумении.

В тот же день, что и Гроссу, 17 декабря 1937 г. Клаусс написал письмо самому Гитлеру:

«Мой Фюрер!

На пятом году Третьего Рейха я нахожусь в более трудном положении, чем в 1921 году. Тогда я написал, вступив в конфликт с еврейским философом Гуссерлем, который считался моим учителем, книгу «Нордическая душа», продав все, что имел. Было понятно, что в либеральное междуцарствие это лишало меня шансов на будущее. Сегодня, когда я уже не так молод, как тогда, и когда последствия войны и многолетнее пребывания в Аравийской пустыне отняли у меня здоровье, я вынужден просить милостыню в министерстве образования. Иногда мне кое-что платят из «Фонда содействия подрастающему поколению», а потом снова перестают платить, так, что я, вместо того, чтобы заниматься творческой работой из месяца в месяц переписываю заявления и анкеты.

Так я живу в ужасном состоянии человека, который не может больше надеяться, что ко дню своей смерти выполнит поставленную перед ним Богом задачу целиком, а не только частично.

До 1933 года ни одному национал-социалисту не могло придти на ум клеветать на меня и мои произведения столь жалким образом. Сегодня на это отваживается даже разоблаченный лжец, и руководитель Расово-политического отдела поддерживает его в этом.

Я до сих пор не смог обработать результаты моих исследований, проведенных до 1933 года. Необработанный материал накапливается и ежедневно служит для меня новым упреком, так как у меня нет средств и, главное, помощников для его обработки. Один лишь мой архив расово-психологических снимков – более 8000 фото – требует столько побочной технической работы, что я не знаю, как заниматься ей без ущерба творческой работе.

Я прошу, мой Фюрер, чтобы Вы приказали проверить необходимость моей работы, на которую партия всегда опирается в борьбе и строительстве, и предоставить мне потом возможности, необходимые для ее завершения.

В 1920-33 годах я был единственным немецким ученым, который занимался расовой психологией и считаю себя не без основания создателем этой науки. И вот в 1937 году меня причислили к «подростающему поколению», и я вынужден обратиться с этой просьбой к Вам.

С верой и верностью, преданный Вам, мой Фюрер.
Людвиг Фердинанд Клаусс».

Правда, Клаусс после войны утверждал, что это письмо написала его жена, а не он.

На письмо Клаусса ответил 2 февраля 1938 года начальник канцелярии рейхс-ляйтер Боулер. Он заверил Клаусса, что его заслуги признаются, и обещал помощь через Министерство образования. Но никакой реакции со стороны этого ведомства не последовало.

6.

Первая атака Гросса на Клаусса не удалась. Но вскоре Гросс получил в свои руки опасное оружие и эффективно использовал его против Клаусса.

Клауссу постоянно не везло в личной жизни. Первая его жена, уличенная им в супружеской измене, не смогла вымолить у него прощения и покончила с собой. Второй раз он женился в 1935 году на Мехтильде фон Вухнов, дочери восточно-прусского офицера. Но сразу же начались скандалы из-за постоянного присутствия в доме Маргариты Ланде, помощь которой была необходима Клауссу для обработки материалов их совместной экспедиции. Летом 1936 года дело закончилось разводом, и Мехтильда принялась писать кляузы на своего бывшего мужа во все инстанции. Первым делом она обратилась к Гроссу, и тот радостно принял ее.

Однако, именно то обстоятельство, что Мехтильда звонила без разбора во все колокола, помогло Клауссу найти новых могущественных друзей. В ноябре 1940 года к Клауссу пришел молодой блондин в форме СС и показал ему донос, полученный им от Мехтильды, датированный 8 сентября 1940 года.

Молодого человека звали Бруно Бегер. Он вступил в СС в 1934 году, участвовал в экспедиции в Тибет, работал в личном штабе Гимmlера и в «Аненербе», хотя в партию вступил только в 1937 году. В СС Гросса, мягко говоря, не жаловали и презрительно называли «слизнякам». Бегер обещал Клауссу помощь против Гросса. Последний вызвал к себе Клаусса только 13 ноября 1940 года. Он грозил Клауссу карами за нарушение запрета брать на научную работу евреев. Клаусс пытался доказать, что Ланде –

не чистая еврейка. Гросс провел расовую экспертизу и установил, что чистая, и 26 марта 1941 года Ланде арестовали. Гросс, закусив удила, добивался и ареста Клаусса, который в этот момент читал лекции в Италии, но это ему не удалось. Мало того, Клаусс, вернувшись, с помощью Бегера освободил Маргариту Ланде. Однако интрига стремительно раскручивалась уже на другом уровне: 9 марта 1941 года Расово-политический отдел разослал тайный циркуляр за номером 405/1941 с указанием не упоминать больше имя Клаусса и его труды. 23 июля того же года Клаусс подал на Гросса жалобу в связи с этим циркуляром в Высший партийный суд. Клаусс указал при этом, что его отвергает не партия, а доктор Гросс, профессор Боймлер и ряд антропологов старой школы, такие как Ойген Фишер, которые далеки от партии.

Гросс, прежде чем подвергнуть критике идеи Клаусса, охарактеризовал его как психопатическую личность: «Первично нормальные или даже дружественные отношения с немецкими учеными обратились в свою противоположность. Как ранее друживший с ним профессор Гюнтер, так и Фриц Ленц, Ойген Фишер и более молодые расологи отвергают Клаусса не только как ученого, но и как человека из-за его невыносимых болезненных черт. Он играет роль мученика, но в глазах трезвых наблюдателей это всего лишь психопатический склочник».

Клаусс впоследствии возразил на это, что, несмотря на некоторое охлаждение, с Гюнтером у него сохранились дружеские отношения, Ленц вообще неуживчивый нелюдим, а Фишер в прежние времена восхвалял расовое смешение – какие же с ним могут быть отношения? В 1928-1929 годах Фишер всячески мешал продолжению работы Клаусса на Ближнем востоке. «Фишер – старый человек, который злится, что молодые люди идут иным путем, нежели он», - парировал Клаусс

Экспертная оценка, представленная Расово-политическим отделом гласила: «Клаусс исходит из очень четкой философской концепции, ряд основных положений которой можно найти также у Людвига Клагеса; ее призраком часто витает перед гуманитарной философией и психологией. Согласно этому представлению душа первична, а тело – только «поле выражения» психики.

Клаусс прежде всего, освобождает себя от необходимости ставить расовую психологию на эмпирическую основу, что индуктивная расология считает обязательным. Клаусс вообще отвергает индуктивный эмпирический метод.

Если исходить из тождества Клаусса «раса = стиль», сразу же хочется возразить, что на стиль оказывают существенное влияние и среда, жизненный опыт, индивидуальная судьба. При подходе Клаусса и его методике невозможно отделить наследственные расовые черты, с одной стороны, от влияний среды, с другой».

«Мимический метод» Клаусса эксперт назвал чисто субъективным, а гармонию стиля тела и души – крайним, исключительным случаем. Далее в экспертном заключении говорилось: «Расовая психология Клаусса зиждется целиком на себе. Она сжигает все мосты, соединяющие ее со смежными науками, антропологической расологией и психологией. А раса в своих физических и психических проявлениях это наследственность и ничего кроме наследственности».

Вывод был таков: «Необходимо критически дистанцироваться от этой расово-психологической теории и мимического метода и строить расовую психологию на надежной эмпирической основе».

В вину Клауссу ставилось то, что он оказывается в одном ряду с идеологическими противниками расовой идеи, обвиняющими ее в материализме. Это значило, что у Клаусса «полностью отсутствуют как понимание значения наследственно-расового мышления самого по себе, так и готовность подчиняться политической дисциплине в великой духовной борьбе современности». Клаусс объявлялся представителем дуализма тела и души и спасителем католической церкви, помогающим ей приспособиться к победоносной расовой идее.

7.

Автором этого заключения был доктор Курт Готтшальдт, профессор психологии Берлинского университета и начальник отдела наследственной психологии в Институте антропологии, человеческой наследственности и евгеники имени Кайзера Вильгельма, которым руководил профессор Ойген Фишер, прозванный впоследствии «Нестором немецкой антропологии».

Курт Готтшальдт и Ганс Нахтсгейм были единственными сотрудниками этого института, которые не состояли в НСДАП, также как и сам Ойген Фишер. Клаусс, прочтя отзыв Готтшальдта, припомнил ему его «левое» прошлое и отказал ему в праве говорить от имени национал-социалистической партии.

Но свою оценку творчества Клаусса давал и сам Вальтер Гросс: «Его работы и их результаты не научны в смысле естественных наук, а представляют собой мнения и толкования в смысле гуманитарных наук. На расширенном заседании Высшего партийного суда в Мюнхене в декабре 1941 года присутствовали в качестве судебных заседателей референты Расово-политического отдела Бруно Курт Шульц и Вильгельм Гизелер, который считал Клауса шарлатаном. Клаусс выразил сомнение в их объективности. Шульц возразил, что признает большие заслуги Клаусса, но сомневается в его методике: он относит ее к области гуманитарных, а не естественных наук.

Гизелер тоже клялся, что никогда не называл Клаусса «шарлатаном», наоборот, всегда рекомендовал своим студентам обязательно читать труды этого ученого. После долгих препирательств многие вопросы так и остались невыясненными, и суд отложил вынесение приговора. Следующее заседание суда состоялось только через 13 месяцев. Первым на вопросы суда теперь ответил профессор Эвальд Банзе. Он заявил, что ценит в Клауссе самого значительного из ныне живущих расологов, единственного, кто поднял расологию с уровня чисто измерительной науки на более высокий уровень глубоко проникающей и объясняющей явления психологической науки. Профессор Оскар Беккер подтвердил слова Клаусса о его конфликте с Глуссером из-за книги «Нордическая душа».

Но последнее слово твердо решил оставить за собой В. Гросс. Он изобразил линию защиты Клаусса, как искусную игру: «Он упрямо играет роль психопата-мономана, который, будучи полностью погруженным в свой мир и одержимым верой в свою миссию, в повседневной реальности является беспомощным ребенком, который невинно оступается, если другие ему не помогают». Однако с этим образом никак не вяжутся ни его аравийские приключения, ни его научная и политическая активность. Итог, который в своем заключении подводил В. Гросс, сводился к следующему: «структура идей НСДАП в расологическом и расово-политическом плане осталась бы совершенно неизменной, без каких-либо пробелов, продолжала бы существовать в ее нынешней форме и в том случае, если бы ни одна из работ Клаусса никогда не была бы напечатана, чего нельзя утверждать, например, о трудах Гюнтера».

В. Гросс изобразил Л.Ф. Клаусса карьеристом и политическим оппортунистом, который любит подкреплять свои претензии ссылками на авторитет партии, но отказывается подчиниться партийной дисциплине.

Письменное заключение Гросса сразу же попало в высшие партийные инстанции весной 1942 года, и вскоре после этого Клаусс был лишен преподавания на кафедре Берлинского университета, и чтобы хоть как-то содержать себя занялся медициной. На фоне этой кампании развернутой против него, лишь одно известие доставило ему частичное облегчение: его бывшая жена своим необузданным поведением доилась того, что ее, наконец, посадили в сумасшедший дом.

Суд склонялся к оправданию Клаусса, но, не решаясь действовать самостоятельно, воззвал к высшим партийным инстанциям, а именно к Мартину Борману, а тот отреагировал вполне в духе В. Гросса и ответил 16 декабря 1942 года, не вдаваясь в тео-

ретические детали, что за использование еврейки в интересах расовой науки Клаусс должен быть наказан по всем статьям.

Зеленый свет кампании против Клаусса был, таким образом, дан и выездное заседание суда, состав которого быстро изменили, состоялось в Берлине 27 января 1943 года. Приговор вполне соответствовал волеизъявлению одного из вождей Третьего Рейха – Мартина Бормана. И Клауссу разом припомнили все былые прегрешения. И то, что он был учеником еврейского профессора Эдмунда Гуссерля, и то, что самочинно вместе с активисткой сионистского движения проник на территорию, находящуюся под управлением англичан, и публично защищал ее от судебных преследований. Ему указали на то, что в своей работе «Расовая душа и народное сообщество» (1934) он писал, что согласно его наблюдениям большинство студентов считают расологию скучным и никчемным предметом, не приносящим массам граждан никакой пользы. Что расологические знания – это мертвый груз. И это при том, что понятие «общности» было одним из основных в идеологической лексике Третьего Рейха, так как национал-социализм основной своей задачей видел создание и кристаллизацию нового типа общности немецкого народа. Следовательно, плюнув в эту сакральную категорию, Клаусс сам записал себя в число диссидентов расовой теории и противников режима. Мало того в этой же работе он написал: «Мы должны смириться с тем фактом, что почти все мы, немцы, сегодня люди не чистой расы». А это, по мнению партийных идеологов, было уже откровенным святотатством и осквернением исторической памяти народа.

В связи с этим Клаусс был лишен всех научных званий и степеней и объявлен противником магистральной линии национал-социалистической расовой теории.

8.

Как уже говорилось, его критиковали те же люди, что и философа Эрнста Крика, характер критики, несмотря на ряд сходных моментов, был все-таки разным, так как разными были объекты критики. В нашем предисловии к сборнику работ Э. Крика «Преодоление идеализма», мы подчеркивали, что при всей своей титанической борьбе с классическим немецким идеализмом философ его так до корца и не преодолел. Л.Ф. Клаусс к этому, собственно и не стремился, как и к тому, чтобы у него получилось цельное представление о человеке, как у Э. Крика. Под обвинением д-ра К. Готтшальда, который ставил в вину Клауссу представление о примате души, подписался бы любой советский партийный идеолог, если бы только добавили учение об исторических формациях, но дело даже не в этом, а в том, что душа у Клаусса получается какая-то неприкаянная: откуда такие курьезы, как «нордическая душа в ненордическом теле». Вопрос: как она туда попала? Витала сама по себе по белу свету, да и угнездилась по ошибке не там? Или нет здесь никакой случайности, а действует неумолимая карма, как в индуизме и буддизме, которая и отправляет душу брахмана за совершенные им прегрешения в тело шудры? Клаусс четкого ответа на эти вопросы не дал, хотя речь шла о вполне реальном, а отнюдь не выдуманном им феномене. Правда карма в подобных случаях может действовать и через материальные процессы: рецессивные признаки, возникшие некогда в результате расового смешения, могут много столетий оставаться рецессивными, а потом вдруг обнаружить себя во всей гамме психофизиологических свойств организма. Можно называть это нормой, можно карой за нарушение расовой чистоты, но здесь срабатывают чисто биологические процессы во всей своей очевидности физических проявлений.

Стремясь к тому, чтобы Клаусс действительно усилиями партийных идеологов не был превращен в «анти-Гюнтера», выдающийся немецкий психолог Эрих Рудольф Йенш (1883-1940), безвременно умерший под ножом хирурга, приложил много усилий для устранения разрыва между телом и душой, опираясь в своих исследованиях на описания физиологических процессов.

В трудное для Клаусса время ему на помощь вновь пришел хауптштурмфюрер (капитан) СС Бруно Бегер. В апреле 1943 г. он написал секретное письмо своему непосредственному начальнику в личном штабе Гиммлера доктору Брандту. В нем он обращал внимание на важность изучения различий в поведении людей разных рас во время ведения боевых действий, что может оказать практическую помощь Вермахту. Для таких исследований на фронте Клаусс, по его мнению, был как раз подходящим человеком, и ему следовало оказать поддержку, используя его в этой работе.

Докладную записку о значении изучения рас на войне Бегер подал Гиммлеру еще в августе 1941 года. Он подчеркивал, что расовые особенности людей проявляются с особой силой именно на войне, и уже тогда предлагал привлечь к этому направлению исследований именно Клаусса. В письме к доктору Брандту Бегер приложил статью Клаусса о «границах своего». В ней тот писал, в частности: «Чужое живет и в нас самих. Оно опасно, потому что мы несем его в своей крови и потому часто воспринимаем его не как чужое, а как свое. После 1919 года мы распознали врага, сидящего в засаде в нас самих. Мы смотрели на власть имущих и видели, что в этих людях воплощалось то ненемецкое, что есть в немцах. Это было второй исходной точкой для развития расовой психологии, которая в этой области дозрела до уровня строгой науки. Она показала границы того, что может считаться немецким в нашем внутреннем бытии. Это было ее задачей. Но это было возможно лишь в том случае, если она решится распознать и в нашей собственной сути то, что лежит за этой границей».

Клаусс предостерегал немцев от завоеваний чужих пространств, на которых они могут утратить свою расовую суть, и так же, как и Гюнтер открыто выступал против похода Германии на Восток, предрекая всеобщий крах этой авантюры именно на основе расового анализа геостратегической ситуации.

Несмотря на критические замечания Клаусса, старания Бегера и Брандта не пропали даром и 8 сентября 1943 года Гиммлер лично написал письмо Борману, вкратце изложил ему предложение Бегера, заявив, что готов предоставить Клауссу место в отделе фронтовой информации СС и подчеркнул, что считает такое отношение к ученому неправильным, ибо оно может оттолкнуть его в лагерь противников. Через несколько недель Бегер предложил создать отдел расовых исследований в «Аненербе». Начальник главного ведомства расовой и колонизационной политики (RuSHA) Хильдебрандт попросил Гиммлера, если такой отдел будет создан, включить его в данное ведомство и привлечь к работе Клаусса.

Но время со всей неумолимостью расставляло все по своим местам: из-за гигантских потерь на восточном фронте Л.Ф. Клаусс 22 мая 1944 года был мобилизован в полк СС «Курт Эггерс», которым командовал оберштурмбанфюрер Гюнтер д'Алькен. При этом было учтено воинское звание, полученное Клауссом во время Первой мировой войны, но никакие его специфические познания в области расовой психологии были уже никому не нужны, другие векторы силы диктовали условия. Его послали на бойню, как и миллионы других немцев и никакие симпатии Гиммлера уже не могли изменить судьбу.

В составе этой воинской части Клаусс был откомандирован в Боснию, но при воздушном полете, он вскоре получил тяжелое ранение и в этой связи был отправлен в длительный отпуск. Его военная карьера закончилась быстрым бегством от наступающих советских войск на Запад.

9.

А теперь, уважаемый читатель, попытайтесь хотя бы фантазии ради, представить себе судьбы Л.Ф. Клаусса, окажись он со своими талантами и познаниями по другую сторону фронта. Даже вообразить себе не возможно, чтобы военные и политические лидеры Советского Союза в судьбоносное время Сталинграда и Курской дуги потрати-

ли бы столько умственных и организационных усилий на разбор какого-то там «мимического метода». Не говоря уже о том, что и приговор по делу был бы весьма предсказуемым и однозначно строгим. В том, числе и на примере мытарств Клаусса со всей очевидностью становится понятно, что культура научной дискуссии, так же как и общая культура в национал-социалистической Германии были неизмеримо выше, чем в коммунистическом СССР.

«Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог», - это крылатая фраза из пушкинского «Евгения Онегина» на наш взгляд, как никакая другая подходит для иллюстрации судьбы ученого, так как он доказал на практике примат души над телом. При чем души не абстрактной, а конкретной души его Людвига Фердинанда Клаусса. На протяжении всей второй мировой войны он отвлек множество сильных мира сего своими метафизическими витийствами. Кошмары войны наконец-то закончились, Европа лежала в руинах, европейское мировоззрение переживало самый глубокий кризис своей идентичности и общий распад системы ценностей, близкие оплакивали миллионы жертв, но в духоцентрической вселенной Клаусса казалось, ничего не изменилось – он вновь с прежней неустанностью продолжал акцентировать внимание на собственной персоне. При чем это совершенно не выглядело, как легковесное донкихотство, это была научная и юридическая позиция.

В 1951 году в новообразованной ФРГ был принят закон о возмещении ущерба лицам, преследовавшимся при нацизме. Клаусс, бедствующий со своей третьей женой и четырьмя несовершеннолетними детьми, тоже подал просьбу о возмещении. Его третьей женой была Ротраут ван дер Берг. Она была моложе Клаусса на пятнадцать лет и помогала ему прятать Маргариту Ланде от антисемитских погромов в его поместье в Рютнике.

Но прошение было отклонено. Как и прежде Клаусс задал высокий тон обсуждения, и спор о том преследовали ли его или нет, сам собою перерос в вопрос, действительно ли он боролся с официальной расовой теорией. Но это уже было его безраздельным полем для умственной игры. Ответить на этот вопрос предложили генетику Гансу Нахтсгейму, который не состоял в НСДАП, но и после войны отстаивал правильность евгенических законов, принятых во времена Третьего Рейха, за что его часто хвалил Ганс Ф.К. Гюнтер.

Но Нахтсгейм не обладая умственными и дипломатическими талантами явно перегнул палку и, стремясь выслужиться перед новым режимом написал отзыв, в котором на основе произвольно вырванных из контекста цитат попытался представить Клаусса «нацистом», но сделал это так грубо и не искусно, что его рецензия как две капли воды походила на критику самых, что ни на есть откровенных нацистов Шульца, Гизелера и высшего партийное руководство НСДАП. На что не преминул указать Клаусс в своей ответной критике, припечатывая оппонентов во времена Третьего Рейха тем, что раньше они были «леваками», а теперь по прошествии двенадцатилетней диктатуры Гитлера и службы национал-социалистическому режиму вновь переметнулись в леволиберальное политическое стойбище. И, следовательно, не таким «экспертам» следует выносить свои заключения. Тогда Нахтсгейм прибег к классическому иезуитскому приему, заявив, что Клаусс это «искусный писатель, но у него нет предпосылок для того, чтобы стать солидным и добросовестным ученым, исследователем в области точных наук». Как апофеоз своей системы доказательств многократный идеологический перебежчик, взывая к канонам точных наук, определил, что Клаусс «предал свою душу». И данная система доказательств времен средневековой инквизиции произвела впечатление на суд и просьба Клаусса в мае 1952 года вновь была отклонена.

Тогда в бой вступила уже тяжелая артиллерия. В ходе дальнейшего разбирательства за ученого мытаря вступились знаменитый берлинский историк древностей Франц Альтгейм, австрийский лингвист Герман Амман, социолог Ганс Фрайер, философ Карл

Ясперс, психолог из Вюрцбурга Густав Кафка, мюнхенский профессор Филипп Лерш, известный психолог и педагог Эдуард Шпранглер, берлинский социолог Альфред Фиркандт, наконец, старинный друг Клаусса Оскар Беккер, который теперь был директором философского семинара при университете в Бонне.

Суд попытался противопоставить хоть кого-то этой когорте блестящих ученых. Нахтсгейм скомпрометировал себя окончательно, ибо его спор с Клауссом был, по сути, продолжением старого спора между естественниками и гуманитариями, который велся всю первую половину XX века и никакого отношения к политике не имел.

Тогда главным экспертом был назначен весьма уважаемый психолог и невропатолог Вилли Гуго Гельпах (1877-1955). Отзыв Гельпаху был довольно двойственным. С одной стороны, он признавал право Клаусса на возмещение ущерба, но, с другой стороны, не считал возможным доверить ему кафедру психологии в высшем учебном заведении, так как его исследования охватывают лишь узкий сектор психологии, точнее, сектор этнопсихологии. Зато Гельпах причислил Клаусса к категории таких гениев немецкой мысли, как Лессинг, Геррес, Чемберлен и Ницше.

Клауссу такое публичное признание естественно польстило и суд, чувствуя уязвимость линии обвинения, решил прибегнуть уже к совершенно аморальным методам. Против Клаусса теперь задействовали главного официального философа Третьего Рейха Альфреда Боймлера, который теперь переметнулся на сторону победителей и всячески выслуживался перед ними. Ни о морали, ни о научной логике речь уже не могла идти совершенно, ибо национал-социалистический отщепенец стал вдруг уверять всех, что ему ничего не известно о том, чтобы Клаусс за свою теорию подвергался нападкам, и это при том, что сам руководил кампанией против него. Мало того заявил, что считал его шарлатаном, а расовую психологию вообще никогда не признавал наукой.

Позиция Иуды с незапамятных времен обладала особой метафизической ценностью и в августе 1952 года Клаусс снова получил отказ.

Тем не менее, в 1957 году дело закрутилось вновь, и лишь в марте 1962 года Клаусс добился своего и получил компенсацию, но только за то, что был уволен с должности доцента.

Ученый не ошибся в моральных качествах своей еврейской ассистентки Маргариты Ланде. За помощь и убежище в дни гонений она ответила Клауссу добром на добро и в 1972 году после многочисленных запросов получила долгожданное уведомление из иерусалимского мемориала Яд Вашем. Там намеревались увековечить память немецкого ученого «за спасение евреев с риском для жизни», но хотели знать все подробности, чтобы можно было сделать все по законам государства Израиль. Ланде ответила, но каков был результат, она не знала. Она продолжала переписываться с Клауссом, но из деликатности ничего не сообщила ему про мемориал Яд Вашем.

Людвиг Фердинанд Клаусс скончался 13 января 1974 года. Ланде пережила его на шесть лет, но никаких вестей из Иерусалима больше не получала.

10.

И лишь в мае 1981 года немецкие газеты сообщили, что в Аллее праведников мемориала Яд Вашем посажено дерево в честь Л.Ф. Клаусса. Нигилистическая реакция номенклатурных антифашистов отказывающихся верить этому вопиющему факту даже заставила всемирно известного французского философа Алена де Бенуа в одном из номеров издаваемого им журнала «Элеман» опубликовать фотографию этого скандального и не вписывающегося в каноны современной политкорректности, исторического свидетельства. Средствами массовой информации в общественное сознание внедрена догма, что каждый, кто занимается изучением рас – расист, а если он расист, то, следовательно, и антисемит.

Весь жизненный путь и идеи Людвиг Фердинанда Клаусса совершенно перечеркивают эту убогую и противоестественную патологическую «логику». Изучать расы человека также естественно, как и иные явления природного многообразия. Созданная Клауссом наука, расовая психология, нуждается в осмыслении и совершенствовании, так же как и любая другая область знания и не признавать ее могут либо люди с узко биологическим подходом, либо те, кто вообще отрицает существование рас у человека.

Уже потому, сколько копий представителями самых разных идеологических направлений было сломано вокруг концепции Клаусса, можно утверждать, что она заслуживает самого пристального внимания.

В своей книге «Раса и характер» (1938) он справедливо подчеркивал, что не существует абстрактных, «общечеловеческих» истин, ибо каждая раса несет в себе свои ценности, выстраданные в процессе эволюционной борьбы за существование. «Другие расы извлекают из тьмы непознанного иные истины, нежели мы, и любят их не менее глубоко, чем мы – наши. Наши истины – не для них, равно как их истины – не для нас».

Высокий гуманистический пафос Клаусса проявлялся в его отказе от грубого механистического материализма, к которому испытывали пристрастие многие тоталитарные режимы XX века. «Мы должны рассматривать тело не как нечто самодостаточное, не как машину для обмена веществ, а как нечто, существующее для души, как средство проявления души в пространстве, ее самовыражения. Психические черты проявляются в физических чертах таким образом, что между ними нет ни малейшего несоответствия. Тело и душа образуют здесь неразрывное целое. Душа имеет «свое» тело, то есть такое, какое нужно ей для своего совершенного выражения. Раса человека определяется не по наличию у него тех или иных качеств, а по стилю использования им этих качеств», - писал ученый в той же книге.

Данная плюральная, гуманистическая точка зрения полностью соответствует нашему современному представлению о мире и природе человека, многократно подтверждена открытиями в области генетики, психогенетики, биологии высшей нервной деятельности и совершенно лишена каких бы-то ни было расистских акцентов.

В заключение нашей биографии Людвиг Фердинанда Клаусса и критического разбора его учения мы вполне можем удовольствоваться малым, то есть солидаризироваться с позицией обвинения, неоднократно выдвигавшейся против него на судебных процессах, ибо даже согласно ей ученого можно было отнести к числу самых выдающихся мыслителей Германии. А раз так, то современный российский читатель имеет полное право ознакомиться с его трудами, что мы и предпринимаем этим первым русским изданием.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).